



## Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов



О. А. Чернова

*Южный федеральный университет (г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация)  
oachernova@sfedu.ru*

### Аннотация

**Введение.** Актуальность исследования обусловлена значительной ролью миграции населения в обеспечении регионального развития, при этом экономические последствия миграции во многом определяются характеристиками миграционных потоков. Цель статьи – в результате проведенного исследования определить влияние социально-демографических особенностей миграционных потоков в южнороссийских регионах на показатели их устойчивого развития.

**Материалы и методы.** При анализе социально-демографических характеристик миграционных потоков были использованы методы описательной статистики. Для проверки гипотезы о влиянии социально-демографических характеристик миграционных потоков на устойчивость регионального развития применялся корреляционный анализ панельных данных с использованием инструментов Excel. Источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики по регионам Южного федерального округа, прослеженные в динамике с 2002 по 2021 г.

**Результаты исследования.** Установлено, что миграционные процессы в южнороссийских регионах демонстрируют как положительное, так и отрицательное воздействие на отдельные составляющие устойчивого развития. Социально-демографические характеристики миграционных потоков во многом определяют силу и направление этого воздействия и могут быть выражены в экономическом, социальном и экологическом измерениях. Практически для всех регионов демонстрируется сильная положительная связь показателей миграции с экономическими и экологическими показателями устойчивого развития. Воздействие на социальную сферу носит амбивалентный характер. Одновременно наблюдается достаточно сильное влияние гендерных характеристик миграционных потоков на социально-экологические аспекты жизнедеятельности.

**Обсуждение и заключение.** Миграция будет способствовать повышению устойчивости развития региональных экономик только при одновременном решении задач создания рабочих мест, улучшения социальных условий и сохранения окружающей среды. Полученные выводы подчеркивают необходимость принятия во внимание региональными властями социально-демографической структуры миграционных потоков при разработке стратегий социально-экономического развития и могут быть полезны в условиях усиления геополитической нестабильности.

**Ключевые слова:** миграция в регионах Юга России, устойчивое развитие региона, гендерно-возрастные характеристики миграционного потока, экономические аспекты миграции

© Чернова О. А., 2023



Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.  
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.



*Конфликт интересов.* Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

*Для цитирования:* Чернова О. А. Социально-демографические аспекты миграции и их влияние на устойчивость развития южнороссийских регионов // Регионоведение. 2023. Т. 31, № 4. С. 634–649. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649>

Original article

## Socio-Demographic Aspects of Migration and Their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions

O. A. Chernova

*Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation)  
oachernova@sfnedu.ru*

*Abstract*

**Introduction.** The relevance of the study is due to the significant role of population migration in ensuring regional development. At the same time, the economic consequences of migration are largely determined by the characteristics of migration flows. The purpose of this article is to determine the impact of socio-demographic features of migration flows in the southern Russian regions on the indicators of their sustainable development.

**Materials and Methods.** Methods of descriptive statistics were used in the analysis of socio-demographic characteristics of migration flows. To test the hypothesis about the impact of socio-demographic characteristics of migration flows on the sustainability of regional development, a correlation analysis of panel data using Excel tools was used. The source of the information was the data of the Federal State Statistics Service for the regions of the Southern Federal District, traced in dynamics from 2002 to 2021.

**Results.** It is established that migration processes in the southern Russian regions demonstrate both positive and negative effects on individual components of their sustainable development. The strength and direction of this impact is largely determined by the socio-demographic characteristics of migration flows. A strong positive relationship between migration indicators and economic and environmental indicators of sustainable development is demonstrated for almost all regions. The impact on the social sphere is ambivalent. At the same time, there is a rather strong influence of the gender characteristics of migration flows on the socio-ecological aspects of life.

**Discussion and Conclusion.** Migration will contribute to increasing the sustainability of the development of regional economies only while simultaneously solving the tasks of creating jobs, improving social conditions and preserving the environment. The findings emphasize the need for regional authorities to take into account the socio-demographic structure of migration flows when developing strategies for socio-economic development and can be useful in conditions of increasing geopolitical instability.

*Keywords:* migration in the Southern Russian regions, sustainable development of the region, gender and age characteristics of the migration flow, economic aspects of migration

*Conflict of interests.* The author declares that there is not conflict of interest.

*For citation:* Chernova O.A. Socio-Demographic Aspects of Migration and Their Impact on the Sustainability of the Development of Southern Russian Regions. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023;31(4):634–649. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.125.031.202304.634-649>

**Введение.** Миграция населения является значимым фактором экономического развития регионов, поскольку определяет их социально-экономический ландшафт в результате трансформации пространственных отношений. Непосредственно влияя на численность населения, миграция приводит к изменениям на рынке труда [1], оказывает воздействие на экологическую обстановку [2], требует преобразований транспортной и социальной инфраструктуры, жилищной сферы [3] и др. Одни исследователи считают, что миграция позволяет



оптимизировать пространственное распределение производственных факторов, поскольку в результате их реконфигурации обеспечивается сбалансированность регионального развития [4; 5]. Другие, напротив, указывают на негативные последствия миграции, вызванные социокультурными различиями, а также связанные с усилением нагрузки на местную инфраструктуру и окружающую среду [6; 7], повышением уровня преступности [8]. Несмотря на различную оценку последствий миграции, практически все исследователи отмечают, что вызванные ею преобразования в социально-экономической жизни как регионов-доноров, так и регионов-реципиентов находятся в явном фокусе целей устойчивого развития [9].

В южнороссийских регионах, учитывая их географическое положение, процессы миграции являются частью международной, межрегиональной и внутрирегиональной мобильности населения, обусловленной происходящими экономическими, климатическими, политическими и другими изменениями. При этом присущая миграционным потокам неоднородность их структуры определяет различия экономических, социальных и экологических последствий для регионов, что обуславливает актуальность задач осмысления преобразующего влияния миграции на условия их устойчивого развития.

Несмотря на наличие довольно большого количества научных работ, посвященных исследованию влияния миграционных процессов на показатели социально-экономического развития территорий, в большей степени в них уделяется внимание миграционным потокам макроуровня с акцентом на принимающие мигрантов страны. При этом последствия миграции рассматриваются как совокупные эффекты для экономики страны, тогда как воздействия на устойчивость развития отдельных регионов, испытывающих разную миграционную нагрузку, не изучаются.

Все это определило постановку цели данной статьи – анализ влияния социально-демографических особенностей миграционных потоков в южнороссийских регионах на показатели их устойчивого развития. При этом акцент сделан на экономическом аспекте миграционных процессов.

**Обзор литературы.** В современных научных исследованиях миграция рассматривается как естественный процесс и неотъемлемая часть более широких процессов социальных преобразований<sup>1</sup> [10]. Еще в середине 1970-х гг. В. И. Переведенцев отмечал, что весь механизм миграции «можно представить как постоянное достижение некоторых соответствий между требованиями индивидов и условиями среды»<sup>2</sup>. Другими словами, миграция представляет собой своеобразную адаптацию населения к изменяющимся факторам внешней среды [11].

С учетом совокупности общественно-политических и социально-экономических перемен исследователи выделяют различные факторы и проблемы миграции на разных исторических этапах развития. Так, изучению миграционных потоков в советский период посвящены труды Т. И. Заславской и Л. Л. Рыбаковского<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Castles S., De Haas H., Miller M. J. The Age of Migration: International Population Movements in the Modern World. New York : Guilford Press, 2014. 298 p.

<sup>2</sup> Переведенцев В. И. Методы изучения миграции населения. М. : Наука, 1975. С. 106.

<sup>3</sup> Заславская Т. И., Рыбаковский Л. Л. Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социс. 1978. № 1. С. 56–65.



Ж. А. Зайончковская исследует процессы вынужденной миграции в условиях рыночных и политических реформ в России и постсоветских странах<sup>4</sup>. В целом ученые достаточно консервативны в определении факторов миграции: желание повысить уровень и качество жизни; возможности профессиональной реализации и более привлекательная заработная плата; стремление обезопасить себя и свою семью в меняющихся климатических, политических, экологических и других условиях. Как отмечают А. Е. Судакова, А. А. Тарасьев и Д. Г. Сандлер, различия проявляются в сочетаемости и иерархичности данных факторов [12].

Чаще всего исследователи выделяют трудовую миграцию, обусловленную состоянием региональных рынков труда. А. Е. Антонов на основе анализа динамики ключевых параметров рынков труда в российских регионах в 2010–2017 гг. делает вывод, что причины трудовой миграции связаны с усилением напряженности в сфере занятости в определенных отраслях [13]. Н. Е. Тихонова и Е. Д. Слободенюк в качестве наиболее значимых причин трудовой миграции называют различия в зарплатном профиле работников в разных регионах [14]. Особое внимание уделяется миграции граждан в целях повышения благосостояния: из сельской местности в городскую, из периферийных регионов – в центры деловой активности [15]. При этом, как отмечают Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян и А. Н. Петросян, чем ближе расстояние от населенного пункта до регионального центра, тем интенсивнее миграционный поток [16]. Однако отмечается и феномен «обратной миграции», когда город «выталкивает» часть населения в сельскую местность, куда граждане мигрируют по идейным и экономическим основаниям [17].

Вопреки устоявшемуся представлению о том, что решение о миграции находится в области логики о максимизации дохода, Дж. А. Клэккер и Ф. Дауманн на основе панельного анализа данных на примере Германии показывают, что существуют два типа миграции: регулярная, связанная с деловыми циклами в экономике, и миграция для предоставления убежища в условиях войны, природных аномалий и пр. [18]. Причины миграции, не связанные с занятостью, рассматривают и другие ученые. Например, Р. Лю с соавторами соотносят миграцию с загрязнением окружающей среды и природными удобствами [19].

Основным вопросом, связанным с исследованием миграционных процессов, является вопрос о том, каковы их последствия для успеха достижения целей устойчивого развития. Несмотря на то, что основные перемещения осуществляются внутри страны, большая часть исследователей рассматривает данный вопрос в контексте проблематики международной миграции. Основные угрозы устойчивости ученые рассматривают через призму эксплуатации ограниченных природных ресурсов в стране, принимающей мигрантов [20]. Другой проблемой увеличения миграционного прироста с точки зрения его влияния на экономическую безопасность региона или страны исследователи называют ухудшение ситуации на региональных рынках труда [21]. Для стран-доноров влияние миграции на устойчивость развития соотносят с проблемами «утечки мозгов» [22], старением населения и возрастающим дефицитом рабочей силы [23].

<sup>4</sup> Зайончковская Ж. А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 1–15.



Исследования последствий межрегиональной миграции находятся в более фрагментированном пространстве научных работ. Наибольшее количество изысканий в рамках данной проблематики выполнено китайскими учеными, рассматривающими факторы пространственной динамики внутренних перемещений населения [24; 25]. В российском исследовательском поле проблематика внутренней миграции рассматривается с точки зрения ее влияния на трудовой потенциал региона [26], в контексте выявления факторных признаков притяжения мигрантов в определенные регионы [27]. С точки зрения осмысления влияния миграции на устойчивость регионального развития затрагиваются лишь отдельные аспекты данной проблематики. Например, О. В. Бурик и И. А. Минченко изучают угрозы миграции населения для привлечения инвестиций в развитие Дальнего Востока [28], Т. М. Регент и А. В. Масленникова моделируют влияния миграционных процессов на социально-экономическую составляющую устойчивого развития региона [29].

В последние годы исследователи особое внимание уделяют изучению гендерных аспектов миграции, что связано с возрастающей «феминизацией» миграционных потоков. Существуют различные точки зрения по вопросу роли гендерных характеристик миграционных потоков на социально-экономическое развитие территории. Так, Т. Ли с коллегами считают, что женщины-мигранты с большей вероятностью оказываются занятыми в домашнем хозяйстве и в элементарных профессиях, тогда как мужчины-мигранты вносят больший вклад в социально-экономическое развитие территории [30]. Другие исследователи, напротив, отмечают рост числа высокообразованных женщин-мигрантов при снижении числа образованных мигрантов-мужчин [31]. Б. Кабисес с соавторами выявляют гендерные различия мигрантов с точки зрения модели поведения, связанной с получением медицинской помощи, потреблением ресурсов, решением вопросов с жильем и пр. [32]. Поэтому в дискурсах о влиянии миграции на региональное развитие часто подчеркивается различная роль мужчин и женщин во влиянии на окружающую среду и людей [33]. Заметим, что аналогичным образом различается роль трудоспособной и нетрудоспособной части мигрантов в социально-экономическом развитии региона. Однако зарубежные исследования, как правило, имеют ограничения возможности их применения в российской практике по причине значительных социально-культурных, политических, экономических и других различий. Поэтому недостаточное внимание отечественных авторов к изучению влияния социально-демографических характеристик миграционных потоков на формирование экономических, социальных и экологических аспектов устойчивого развития российских регионов обуславливает актуальность данного исследования.

**Материалы и методы.** Для описания социально-демографических характеристик миграционных потоков были использованы следующие показатели: коэффициент миграционного прироста/убыли; прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста; прирост/убыль мигрантов всего; миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин; доля мигрантов, выбывших за пределы региона; доля мигрантов, прибывших из других регионов; коэффициент интенсивности миграционного оборота. При анализе миграционных потоков применялись методы описательной статистики с визуализацией результатов в виде графиков и таблиц.



Под устойчивостью в рамках данного исследования понимается способность региональной системы обеспечивать стабильное развитие ее экономической, социальной и экологической подсистем в условиях существующих миграционных процессов, предполагая, что миграция одновременно воздействует на три аспекта устойчивости: производство товаров и услуг; условия жизни населения; нагрузку на окружающую среду [34]. Выбор показателей, характеризующих устойчивость регионального развития, осуществлялся на основе теоретического анализа выделяемых в современных научных исследованиях последствий миграции с учетом возможности получения статистических данных. В частности, для оценки влияния на ту или иную подсистему использовались такие показатели: на экономическую подсистему – уровень занятости населения; уровень ВРП на душу населения; на социальную подсистему – общая площадь жилых помещений, приходящихся на одного жителя; количество больничных коек на 10 тыс. чел. населения; на экологическую подсистему – использование свежей воды.

Для проверки гипотезы о влиянии социально-демографических характеристик миграционных потоков на устойчивость регионального развития применялся корреляционный анализ панельных данных с использованием инструментов Excel. При интерпретации коэффициентов корреляции ( $k$ ) использовалась шкала Чеддока, традиционно применяемая экономистами для оценки тесноты связи<sup>5</sup>. При значении коэффициента более 0,7 связь рассматривалась как сильная; менее 0,3 – как слабая и несущественная.

Объектом исследования являлись регионы Южного федерального округа (далее – ЮФО), исключая г. Севастополь, имеющий особый юридический статус города федерального значения.

Источником информации стали данные Федеральной службы государственной статистики<sup>6</sup>. Данные, прослеженные в динамике за 20 лет – с 2002 по 2021 г. (Республика Крым – с 2015 г.), – формировались по 7 регионам ЮФО. Данные о структуре миграционного потока по гендерному признаку формировались с 2017 г. с учетом их представленности Росстатом.

**Результаты исследования.** *Общая характеристика миграционных процессов на Юге России.* Южнороссийские регионы всегда отличались высокими показателями миграционной активности. Как видно из рисунка 1, за последние 10 лет интенсивность миграционного оборота в ЮФО значительно возросла. В то же время подавляющая часть перемещений граждан осуществляется в пределах региона или страны (более 80 % прибывших и более 90 % выбывших<sup>7</sup>).

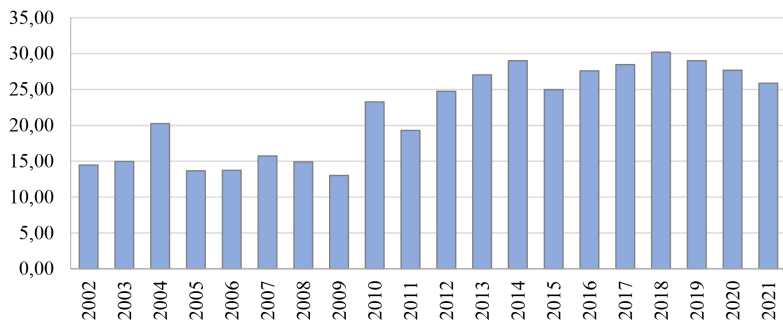
Среди регионов ЮФО можно выделить регионы-доноры, для которых характерен исход мигрантов (Республика Калмыкия, Астраханская и Волгоградская (до 2020 г.) области), и регионы-реципиенты – в которых концентрируются миграционные потоки (Республика Адыгея, Республика Крым, Краснодарский край, Ростовская область).

<sup>5</sup> Floyd J. E. *Statistics for Economists: A Beginning*. Toronto : University of Toronto, 2010. 292 p.

<sup>6</sup> Распределение мигрантов по возрастным группам [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число прбывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/> (дата обращения: 21.05.2023).

<sup>7</sup> Разделы 2.20–2.21 // Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.





Р и с. 1. Коэффициент интенсивности миграционного оборота в Южном федеральном округе<sup>8</sup>

F i g. 1. The intensity coefficient of migration turnover in the Southern Federal District

Социально-демографические характеристики миграционных потоков южнороссийских регионов отличаются высокой степенью вариабельности. Описательная статистика данных характеристик представлена в таблице 1.

Как видно из приведенных данных, показатели прироста/убыли мигрантов трудоспособного возраста, а также миграции трудоспособных мужчин отличаются высоким размахом. Это говорит о значительных различиях в характеристиках структуры миграционных потоков в южнороссийских регионах. Относительно невысоким размахом отличаются показатели внутренней и внешней миграции в регионах ЮФО с примерно равными показателями доли выбывших и прибывших.

Т а б л и ц а 1. Описательные социально-демографические характеристики миграционных потоков в регионах Южного федерального округа<sup>9</sup>

T a b l e 1. Descriptive socio-demographic characteristics of migration flows in the regions of the Southern Federal District

Показатель / Indicator	Среднее / Average	Минимум / Minimum	Максимум / Maximum	Стандартное отклонение / Standard deviation
1	2	3	4	5
Коэффициент миграционного прироста/убыли / Coefficient of migration increase/decrease	6,875	-198,00	214,00	60,08
Прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста / Increase/decrease of migrants of working age	3 785,874	-6 760,00	43 342,00	9 568,62
Прирост/убыль мигрантов всего / Increase/decrease of migrants in total	6 222,087	-8 759,00	72 508,00	15 495,89

<sup>8</sup> Составлено автором по источнику: Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 21.05.2023).

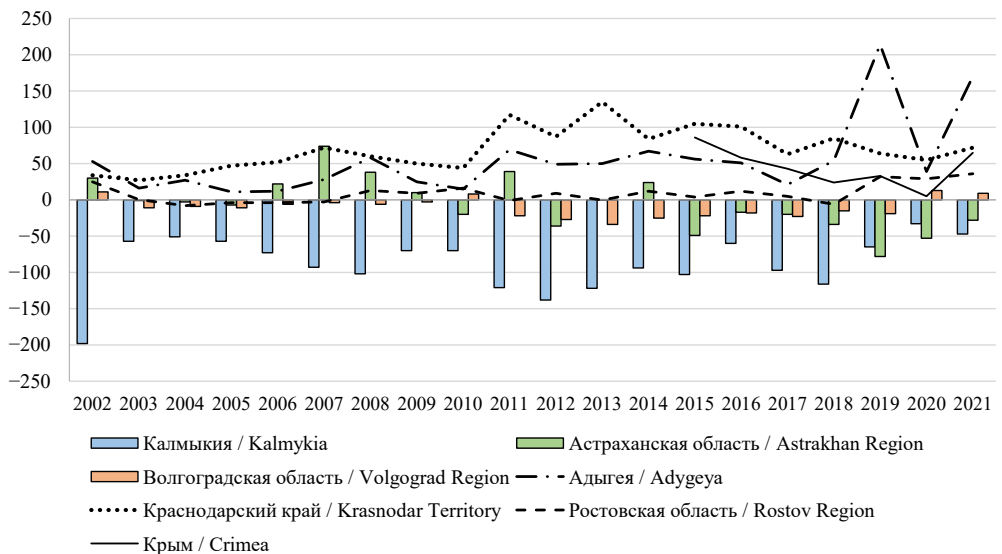
<sup>9</sup> Таблицы 1 и 2 рассчитаны автором на основе данных источников: Распределение мигрантов по возрастным группам [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число прибывших по полу, возрасту и потокам передвижения [Электронный ресурс] // Витрина статистических данных : сайт. URL: <https://showdata.gks.ru/report/278988/>; Число выбывших [Электронный ресурс] // ЕМИСС : сайт. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/43513> (дата обращения: 21.05.2023); Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.



Окончание табл. 1 / End of table 1

1	2	3	4	5
Миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин / Migration increase/decrease of able-bodied men	516,200	-3 061,00	9 329,00	2 631,23
Доля мигрантов, выбывших за пределы региона / The share of migrants who left the region	54,431	34,50	81,70	9,62
Доля мигрантов, прибывших из других регионов / The share of migrants who arrived from other regions	55,608	26,00	85,50	12,97

С точки зрения пространственной привязки миграционных потоков к географическому положению регионов ЮФО можно отметить, что на них в значительной степени оказывают влияние климатические и ландшафтные условия жизни и хозяйствования. В условиях растущей урбанизации ландшафтные и климатические удобства приобретают все большее значение в принятии решений о направлении миграционных перемещений населения. Как следствие, все более заметным становится смещение центров миграции в сторону курортных юго-западных регионов (Республика Крым и Краснодарский край, Республика Адыгея). Несмотря на имеющийся «провал» в период пандемии (рис. 2), связанный с закрытием границ данных регионов и ограничением возможности перемещения, в целом отмечается устойчивость данной тенденции.



Р и с. 2. Показатели миграционного прироста/убыли населения в регионах Южного федерального округа, чел. на 10 000 населения<sup>10</sup>  
 F i g. 2. Indicators of migration population growth / decline in the regions of the Southern Federal District, people per 10,000 population

<sup>10</sup> Составлено автором по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. Стат. сб. / Росстат. М., 2022. 1122 с.



Анализ структуры миграционных потоков в южнороссийских регионах по гендерно-возрастным признакам показал, что наибольший приток трудоспособных мигрантов характерен для Краснодарского края, Ростовской области и Республики Крым; убыль – для Республики Калмыкия и Астраханской области, при этом в структуре миграционного потока преобладают трудоспособные мужчины. В то же время для Республики Адыгея характерен прирост мигрантов-женщин.

Примечательно, что с 2020 г. в Волгоградской области отмечается общий миграционный прирост и прирост мужского трудоспособного населения после закрепившейся с 2002 г. тенденции его убыли на протяжении всего рассматриваемого периода.

В Республике Калмыкия преобладает внутрорегиональная миграция.

Наибольшая доля мигрантов, прибывших из других регионов и выбывших в другие регионы России, характерна для Республики Адыгея.

*Анализ влияния миграционных процессов на показатели устойчивости развития регионов ЮФО.* Результаты корреляционного анализа для регионов ЮФО по панельным данным за 2002–2021 гг., связывающим показатели миграции с показателями устойчивости регионального развития, представлены в таблице 2.

Таблица 2. Характеристика связи показателей миграции и устойчивости развития для регионов Южного федерального округа

Table 2. Characteristics of the relationship between migration indicators and sustainability indicators for the Southern Federal District regions

Показатель / Indicator	Регион / Region	Прирост/убыль мигрантов всего / Increase/decrease of migrants in total	Прирост/убыль мигрантов трудоспособного возраста / Increase/decrease of migrants of working age	Миграционный прирост/убыль трудоспособных мужчин / Migration increase/decrease of able-bodied men
1	2	3	4	5
Занятость населения / Employment of the population	Адыгея / Adygeya	-0,545	-0,397	0,053
	Калмыкия / Kalmykia	0,123	0,083	-0,190
	Крым / Crimea	0,824	0,798	0,969
	Краснодарский край / Krasnodar Territory	-0,046	0	0,539
	Астраханская область / Astrakhan Region	0,658	0,627	0,679
	Волгоградская область / Volgograd Region	-0,138	-0,225	-0,296
	Ростовская область / Rostov Region	0,420	-0,472	0,152
ВРП на душу населения / GRP per capita	Адыгея / Adygeya	0,670	0,522	0,458
	Калмыкия / Kalmykia	0,123	0,208	0,767
	Крым / Crimea	-0,258	-0,135	0,804
	Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,580	0,563	0,625
	Астраханская область / Astrakhan Region	-0,693	-0,619	-0,370
	Волгоградская область / Volgograd Region	0,043	0,144	0,674
	Ростовская область / Rostov Region	0,712	0,748	0,649



Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5
Площадь жилых помещений / Area of residential premises	Адыгея / Adygeya	0,577	0,421	0,032
	Калмыкия / Kalmykia	0,152	0,218	0,900
	Крым / Crimea	-0,216	-0,088	0,872
	Краснодарский край / Krasnodar Territory	0,523	0,530	0,421
	Астраханская область / Astrakhan Region	-0,660	-0,569	-0,405
	Волгоградская область / Volgograd Region	0,117	0,222	0,796
Количество больничных коек / Number of hospital beds	Ростовская область / Rostov Region	0,711	0,748	0,703
	Адыгея / Adygeya	-0,584	-0,445	-0,533
	Калмыкия / Kalmykia	0,029	0	0,031
	Крым / Crimea	0,236	0,331	0,906
	Краснодарский край / Krasnodar Territory	-0,737	-0,715	0,037
	Астраханская область / Astrakhan Region	-0,507	-0,526	-0,820
Потребление свежей воды / Fresh water consumption	Волгоградская область / Volgograd Region	0,133	0,023	-0,414
	Ростовская область / Rostov Region	-0,648	-0,692	-0,792
	Адыгея / Adygeya	0,595	0,444	0,551
	Калмыкия / Kalmykia	0,249	0,190	-0,077
	Крым / Crimea	0,133	0,206	0,240
	Краснодарский край / Krasnodar Territory	-0,343	-0,209	0,228
	Астраханская область / Astrakhan Region	0,647	0,591	0,190
	Волгоградская область / Volgograd Region	0,249	0,148	0,890
	Ростовская область / Rostov Region	-0,297	-0,303	0,890

Как видно из приведенных данных, для регионов ЮФО имеются значительные различия в направлении и силе влияния отдельных характеристик миграционных потоков на показатели устойчивого развития. Это связано с тем, что южнороссийские регионы существенно отличаются друг от друга по своим социально-демографическим и этноконфессиональным характеристикам, а также по показателям социально-экономического развития, что в совокупности определяет различия причин и последствий происходящих в них миграционных перемещений. Сила и направление этих последствий могут быть выражены в экономическом, социальном и экологическом измерениях.

В экономическом измерении для большинства регионов характерно наличие заметной и сильной связи между показателями миграционного прироста/убыли и показателями занятости и ВРП. Причем влияние показателя миграции трудоспособных мужчин более сильное, чем влияние показателя миграции в целом.



Это подтверждает выводы исследователей о гендерном воздействии миграции на структуру экономики и социально-экологические аспекты жизнедеятельности. Наиболее сильно это проявляется в Республике Крым и в Ростовской области. В то же время для Республики Адыгея связь миграции с занятостью имеет заметный обратный характер, отражая тот факт, что приток мигрантов усиливает безработицу в регионе. Одновременно следует отметить отсутствие в данном регионе присущей остальным южнороссийским регионам связи показателя миграции трудоспособных мужчин с показателями занятости при наличии заметной связи этого показателя с показателем ВРП. Это может свидетельствовать о занятости мужчин-мигрантов преимущественно в неформальном секторе экономики.

В социальном измерении миграция оказывает как положительное, так и отрицательное воздействие на устойчивость регионального развития, сила которого также в значительной мере определяется характеристиками миграционных потоков. Так, мигранты-мужчины, как правило, решают проблемы трудоустройства путем приобретения или строительства собственного жилья, что благоприятно влияет на показатель «площадь жилых помещений, приходящихся на 1 человека». В то же время здоровье мужчин-мигрантов подвергается большему риску профессионального травматизма, поскольку они в большей степени, чем женщины-мигранты, заняты на опасных, грязных и трудных работах. Поэтому при фиксируемом наличии для большинства регионов высокой обратной зависимости показателей миграции трудоспособных мужчин и количества больничных коек можно говорить о присущих этим регионам значительных рисков социальному благополучию населения. Исключение составляет Республика Крым, в которой в последние годы наблюдается строительство больниц.

В экологическом измерении миграционный прирост приводит к повышению нагрузки на окружающую среду. Считается, что женщины отличаются более ресурсосберегающим поведением, чем мужчины. Действительно, для регионов, активно принимающих мигрантов, связь объемов потребления свежей воды с показателями мужской миграции несколько выше, чем с показателями миграции в целом. Однако это может быть связано и с особенностями структуры отраслевого хозяйства, определяющими модель использования водных ресурсов в регионе.

**Обсуждение и заключение.** Как показывают результаты исследования, миграционные процессы в южнороссийских регионах традиционно определяются состоянием региональных рынков труда. Реагируя на различия в экономических возможностях, трудоспособная часть населения мигрирует из регионов с низким социально-экономическим потенциалом (Калмыкия, Астраханская область) в регионы с высокими возможностями трудоустройства (Краснодарский край, Крым, Адыгея, Ростовская область). Одновременно привлекательность данных регионов для мигрантов определяется рекреационной и эстетической полезностью, связанной с климатическими и ландшафтными удобствами.

Для принимающих регионов миграция, положительно влияя на экономическую составляющую устойчивого развития, потенциально может создавать социально-экологические проблемы. Так, практически для всех регионов демонстрируется сильная положительная связь показателей миграции с показателями занятости и ВРП, а также с объемами потребления свежей воды.



Для регионов-доноров, к которым относятся регионы с низкими показателями социально-экономического развития, преобладают негативные эффекты миграции, поскольку снижение численности трудоспособного населения (в особенности трудоспособных мужчин) влечет за собой риски для экономического благополучия. Данная ситуация усугубляется тем, что все южнороссийские регионы, характеризующиеся высокой миграционной убылью, имеют аграрную специализацию с присущими ей гендерными методами выполнения сельскохозяйственных работ. Кроме того, женщины, по сравнению с мужчинами, являются более уязвимыми к разнообразным социально-экономическим потрясениям, в особенности в нетрудоспособном возрасте, что также создает риски устойчивому развитию регионов в условиях миграционного оттока трудоспособных мужчин.

Учитывая компенсационное воздействие миграционных процессов на отдельные составляющие устойчивого развития регионов, мы считаем необходимым осуществлять поиск компромиссов в отношении решений, обеспечивающих социально-экономическое и экологическое благополучие как переезжающих людей, так и принимающего их сообщества с учетом специфики социально-демографических характеристик миграционных потоков. Устойчивость регионального развития в контексте миграции требует одновременного решения задач создания рабочих мест, улучшения социальных условий и сохранения окружающей среды. Такая региональная политика позволит получить значительные синергетические выгоды для достижения целей устойчивого развития.

Наше исследование имеет ограничения, связанные с тем, что мы не анализировали показатели естественной убыли населения, которые, безусловно, оказывают влияние на рассматриваемые показатели социально-экономического развития территории. Для некоторого сглаживания влияния данного фактора в рамках проведения анализа мы использовали показатели в расчете на душу населения. Другим ограничением является то, что наши выводы сделаны на основе данных для регионов ЮФО. Для других регионов могут быть выявлены иные тенденции влияния социально-демографических характеристик миграционных потоков на региональное развитие.

Несмотря на данные ограничения, наше исследование вносит вклад в развитие проблематики исследования миграционных процессов, поскольку способствует формированию дискуссии о роли гендерно-возрастных характеристик миграционных потоков в формировании условий для устойчивого развития регионов.

Принимая во внимание приграничное положение южнороссийских регионов, можно предположить, что существующие геополитические вызовы усилят в них миграционную активность. Поэтому наше дальнейшее исследование связано с анализом изменения структуры миграционных потоков в регионах Юга России и осмыслением обусловленных ими социально-экономических эффектов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Sharp M. The Labour Market Impacts of Female Internal Migration: Evidence from the End of Apartheid // *Regional Science and Urban Economics*. 2021. Vol. 91. Article no. 103624. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2020.103624>



2. Impact Assessment of Population Migration on Energy Consumption and Carbon Emissions in China: A Spatial Econometric Investigation / Y. Bu [et al.] // *Environmental Impact Assessment Review*. 2022. Vol. 93. Article no. 106744. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106744>
3. Margiani T. Causes of Migration and its Impact on the Economy // *Vectors of Social Sciences*. 2023. No. 5. P. 72–80. <https://doi.org/10.51895/VSS5/Margiani>
4. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data // *Cities*. 2019. Vol. 94. Pp. 55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
5. How does International Migration Impact on Rural Areas in Developing Countries? A Systematic Review / C. Obi [et al.] // *Journal of Rural Studies*. 2020. Vol. 80. Pp. 273–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.016>
6. Zhan P., Ma X., Li S. Migration, Population Aging, and Income Inequality in China // *Journal of Asian Economics*. 2021. Vol. 76. Article no. 101351. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2021.101351>
7. CO2 Emissions Embodied in International Migration from 1995 to 2015 / S. Liang [et al.] // *Environmental Science and Technology*. 2020. Vol. 54, issue 19. Pp. 12530–12538. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04600>
8. Debnath A., Roy N. Linkage between Internal Migration and Crime: Evidence from India, *International Journal of Law // Crime and Justice*. 2013. Vol. 41, issue 3. Pp. 203–212. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2013.06.001>
9. Migration Transforms the Conditions for the Achievement of the Sustainable Development Goals / W. Adger [et al.] // *The Lancet Planetary Health*. 2019. Vol. 3, issue 11. Pp. e440–e442. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(19\)30213-X](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(19)30213-X)
10. Barnett J., Adger W. N. Mobile Worlds: Choice at the Intersection of Demographic and Environmental Change // *Annual Review of Environment and Resources*. 2018. Vol. 43. Pp. 245–265. <https://doi.org/10.1146/annurev-enviro-102016-060952>
11. Lietaer S., Durand-Delacré D. Situating ‘Migration as Adaptation’ Discourse and Appraising its Relevance to Senegal’s Development Sector // *Environmental Science and Policy*. 2021. Vol. 126. Pp. 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.09.008>
12. Судакова А. Е., Тарасьев А. А., Сандлер Д. Г. Динамическая модель прогнозирования научной миграции в регионе // *Экономика региона*. 2021. Т. 17, № 4. С. 1196–1209. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-11>
13. Антонов Е. В. Динамика занятости и состояния рынков труда регионов России в 2010–2017 гг. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Науки о Земле*. 2019. Т. 64, № 4. С. 559–574. <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.404>
14. Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. Бедность российских профессионалов: распространенность, причины, тенденции // *Мир России*. 2022. Т. 31, № 1. С. 113–137. <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>
15. Selod H., Shilpi F. Rural-Urban Migration in Developing Countries: Lessons from the Literature // *Regional Science and Urban Economics*. 2021. Vol. 91. Article no. 103713. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103713>
16. Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Петросян А. Н. Пространственные особенности миграционного прироста пригородов региональных столиц России // *Вестник Московского университета. Сер. 5: География*. 2021. № 6. С. 123–134. URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/942> (дата обращения: 21.05.2023).
17. Звягинцев В. И., Неуважаева М. А. Переселенцы из города в сельскую местность: феномен «обратной миграции» в современной России // *Мир России. Социология. Этнология*. 2015. Т. 24, № 1. С. 101–135. URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (дата обращения: 21.05.2023).
18. Klöcker J. A., Daumann F. What Drives Migration to Germany? A Panel Data Analysis // *Research in Economics*. 2022. Vol. 77, issue 2. Pp. 251–264. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2022.10.002>
19. Are Migration and Settlement Environment-Driven? Environment-Related Residential Preferences of Migrants in China / R. Liu [et al.] // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 377. Article no. 134263. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134263>
20. The Trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration / W. Steffen [et al.] // *Anthropocene Review*. 2015. Vol. 2, issue 1. Pp. 81–98. <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
21. Профессиональные факторы и механизмы привлечения в Калининградскую область мигрантов из регионов России / К. Ю. Волощенко [и др.] // *Регионоведение*. 2023. Т. 31, № 1. С. 143–165. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>



22. Bhawana B., Dipanker S. Migration of Skilled Professionals Across the Border: Brain Drain or Brain Gain? // *European Management Journal*. 2022. Online first. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.12.011>
23. Васильева Е. В., Васильева А. В. Демографические исследования в контексте потенциала развития и экономической безопасности территории // *Экономика региона*. 2022. Т. 18, вып. 1. С. 1–20. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
24. Qi W., Abel G., Liu S. Geographic Transformation of China's Internal Population Migration from 1995 to 2015: Insights from the Migration Centerline // *Applied Geography*. 2021. Vol. 135. Article no. 102564. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.102564>
25. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data // *Cities*. 2019. Vol. 94. Pp. 55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
26. Васильева А. В., Тарасьев А. А. Прогноз развития миграционных процессов и рынка труда в регионах России // *Экономика региона*. 2014. № 4. С. 283–298. EDN: TFGKTF
27. Румянцев А. С. Моделирование процесса внутренней миграции в регионах РФ // *Вестник Новосибирского государственного университета экономики и управления*. 2019. № 2. С. 118–126. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-2-118-126>
28. Бурик О. В., Минченко И. А. Миграция населения как угроза устойчивому развитию Дальнего Востока // *Наука и бизнес: пути развития*. 2019. № 12 (102). С. 188–191. URL: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12\(102\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12(102)-2019-main.pdf) (дата обращения: 21.05.2023).
29. Регент Т. М., Масленникова А. В. Влияние миграции на устойчивое развитие регионов с применением динамической модели межрегионального развития // *Наука. Культура. Общество*. 2020. Т. 26, № 1. С. 75–80. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-na-ustoychivoe-razvitiye-regionov-s-primeneniem-dinamicheskoy-modeli-mezhregionalnogo-razvitiya/viewer> (дата обращения: 21.05.2023).
30. Lee T., Peri G., Viarengo M. The Gender Aspect of Migrants' Assimilation in Europe // *Labour Economics*. 2022. Vol. 78. Article no. 102180. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2022.102180>
31. Ruysen I., Salomone S. Female Migration: A Way out of Discrimination? // *Journal of Development Economics*. 2018. Vol. 130. Pp. 224–241. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2017.10.010>
32. Intersections between Gender Approaches, Migration and Health in Latin America and the Caribbean: A Discussion Based on a Scoping Review / B. Cabieses [et al.] // *The Lancet Regional Health – Americas*. 2023. Article no. 100538. Online first. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2023.100538>
33. Prati G., Cazarro I., Hazra S. Gender Dimensions of the Migration, Sustainability and Care Nexus: The Case Study of the Mahanadi Delta, India // *Current Research in Environmental Sustainability*. 2022. Vol. 4. Article no. 100104. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100104>
34. The Migration-Sustainability Paradox: Transformations in Mobile Worlds / M. F. Gavonel [et al.] // *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021. Vol. 49. Pp. 98–109. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.03.013>

Поступила в редакцию 22.05.2023; поступила после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 18.10.2023.

*Об авторе:*

**Чернова Ольга Анатольевна**, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры информационной экономики экономического факультета Южного федерального университета (344007, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, д. 88), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>, Researcher ID: H-9823-2015, Scopus ID: 56581560700, oachernova@sfsedu.ru

*Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.*

## REFERENCES

1. Sharp M. The Labour Market Impacts of Female Internal Migration: Evidence from the End of Apartheid. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;91:103624. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2020.103624>





2. Bu Y., Wang E., Qiu Y., Möst D. Impact Assessment of Population Migration on Energy Consumption and Carbon Emissions in China: A Spatial Econometric Investigation. *Environmental Impact Assessment Review*. 2022;93:106744. <https://doi.org/10.1016/j.eiar.2022.106744>
3. Margiani T. Causes of Migration and its Impact on the Economy. *Vectors of Social Sciences*. 2023;(5):72–80. <https://doi.org/10.51895/VSS5/Margiani>
4. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data. *Cities*. 2019;94:55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
5. Obi C., Bartolini F., Brunori G., D'Haese M. How does International Migration Impact on Rural Areas in Developing Countries? A Systematic Review. *Journal of Rural Studies*. 2020;80:273–290. <https://doi.org/10.1016/j.jrurstud.2020.09.016>
6. Zhan P., Ma X., Li S. Migration, Population Aging, and Income Inequality in China. *Journal of Asian Economics*. 2021;76:101351. <https://doi.org/10.1016/j.asieco.2021.101351>
7. Liang S., Yang X., Wang Y., Wang Y., Xie W., Muttarak R., et al. CO2 Emissions Embodied in International Migration from 1995 to 2015. *Environmental Science and Technology*. 2020;54(19):12530–12538. <https://doi.org/10.1021/acs.est.0c04600>
8. Debnath A., Roy N. Linkage between Internal Migration and Crime: Evidence from India, International Journal of Law. *Crime and Justice*. 2013;41(3):203–212. <https://doi.org/10.1016/j.ijlcrj.2013.06.001>
9. Adger W., Boyd E., Fábos A., Fransen S., Jolivet D., Neville G., et al. Migration Transforms the Conditions for the Achievement of the Sustainable Development Goals. *The Lancet Planetary Health*. 2019;3(11):e440–e442. [https://doi.org/10.1016/S2542-5196\(19\)30213-X](https://doi.org/10.1016/S2542-5196(19)30213-X)
10. Barnett J., Adger W.N. Mobile Worlds: Choice at the Intersection of Demographic and Environmental Change. *Annual Review of Environment Resources*. 2018;43:245–265. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-102016-060952>
11. Lietaer S., Durand-Delacré D. Situating ‘Migration as Adaptation’ Discourse and Appraising its Relevance to Senegal’s Development Sector. *Environmental Science and Policy*. 2021;126:11–21. <https://doi.org/10.1016/j.envsci.2021.09.008>
12. Sudakova A.E., Tarasyev A.A., Sandler D.G. A Dynamic Forecasting Model for Scientific Migration in the Region. *Economy of Region*. 2021;17(4):1196–1209. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-11>
13. Antonov E.V. The Dynamics of Employment and Regional Labour Markets Situation in Russia in 2010–2017. *Vestnik of Saint Petersburg University. Earth Sciences*. 2019;64(4):559–574. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.21638/spbu07.2019.404>
14. Tikhonova N.E., Slobodenyuk E.D. Poverty among Russian Professionals: Scale, Causes, Trends. *Universe of Russia*. 2022;31(1):113–137. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2022-31-1-113-137>
15. Selod H., Shilpi F. Rural-Urban Migration in Developing Countries: Lessons from the Literature. *Regional Science and Urban Economics*. 2021;91:103713. <https://doi.org/10.1016/j.regsciurbeco.2021.103713>
16. Karachurina L.B., Mkrtychyan N.V., Petrosian A.N. Spatial Patterns of Net Migration in the Suburbs of Russian Regional Centers. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 5, Geografiya*. 2021;(6):123–134. Available at: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/942> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
17. Zvyagintsev V., Neuvazhaeva M. Migration from Urban to Rural Areas: the Phenomenon of “Counter-Urbanisation” in Modern Russia. *Universe of Russia*. 2015;24(1):101–135. Available at: <https://mirros.hse.ru/article/view/4945> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
18. Klöcker J.A., Daumann F. What Drives Migration to Germany? A Panel Data Analysis. *Research in Economics*. 2022;77(2):251–264. <https://doi.org/10.1016/j.rie.2022.10.002>
19. Liu R., Green R., Yu Y., Lv H. Are Migration and Settlement Environment-Driven? Environment-Related Residential Preferences of Migrants in China. *Journal of Cleaner Production*. 2022;377:134263. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.134263>
20. Steffen W., Broadgate W., Deutsch L., Gaffney O., Ludwig C. The Trajectory of the Anthropocene: The Great Acceleration. *Anthropocene Review*. 2015;2(1):81–98. <https://doi.org/10.1177/2053019614564785>
21. Voloshenko K.Yu., Lialina A.V., Farafonova Yu.Yu., Novikova A.A. Work-Related Pull Factors and Mechanisms for Attracting Internal Migrants to the Kaliningrad Region. *Russian Journal*



- of *Regional Studies*. 2023;31(1):143–165. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.143-165>
22. Bhawana B., Dipanker S. Migration of Skilled Professionals Across the Border: Brain Drain or Brain Gain? *European Management Journal*. 2022. <https://doi.org/10.1016/j.emj.2022.12.011>
23. Vasilyeva E.V., Vasileva A.V. Demographic Research in the Context of Economic Development and Security of Regions. *Economy of Regions*. 2022;18(1):1–20. (In Russ., abstract in Eng.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2022-1-1>
24. Qi W., Abel G., Liu S. Geographic Transformation of China's Internal Population Migration from 1995 to 2015: Insights from the Migration Centerline. *Applied Geography*. 2021;135:102564. <https://doi.org/10.1016/j.apgeog.2021.102564>
25. Pan J., Lai J. Spatial Pattern of Population Mobility among Cities in China: Case Study of the National Day Plus Mid-Autumn Festival based on Tencent Migration Data. *Cities*. 2019;94:55–69. <https://doi.org/10.1016/j.cities.2019.05.022>
26. Vasilyeva A.V., Tarasyev A.A. Future Development of Migration Processes and Labour Market in the Regions of Russia. *Economy of Regions*. 2014;(4):283–298. (In Russ., abstract in Eng.) EDN: TFGKTF
27. Rumyantsev A.S. Modeling of the Internal Migration Process in the Regions of the Russian Federation. *Vestnik NSUEM*. 2019;(2):118–126. <https://doi.org/10.34020/2073-6495-2019-2-118-126>
28. Burik O.V., Minchenko I.A. Population Migration as a threat to the Sustainable Development of the Far East. *Science and Business: Development Ways*. 2019;(12):188–191. Available at: [http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12\(102\)-2019-main.pdf](http://globaljournals.ru/assets/files/journals/science-and-business/102/sb-12(102)-2019-main.pdf) (accessed 21.05.2023).
29. Regent T.M., Maslennikova A.V. Impact of Migration on Sustainable Regional Development Using the Dynamic Model of Interregional Development. *Science. Culture. Society*. 2020;26(1):75–80. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-migratsii-na-ustoychivoe-razvitie-regionov-s-primeneniem-dinamicheskoy-modeli-mezhregionalnogo-razvitiya/viewer> (accessed 21.05.2023). (In Russ., abstract in Eng.)
30. Lee T., Peri G., Viarengo M. The Gender Aspect of Migrants' Assimilation in Europe. *Labour Economics*. 2022;78:102180. <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2022.102180>
31. Ruysen I., Salomone S. Female Migration: A Way out of Discrimination? *Journal of Development Economics*. 2018;130:224–241. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2017.10.010>
32. Cabieses B., Velázquez B., Blukacz A., Farante S., Bojórquez I., Mezones-Holguín E. Intersections between Gender Approaches, Migration and Health in Latin America and the Caribbean: A Discussion based on a Scoping Review. *The Lancet Regional Health – Americas*. 2023;100538. <https://doi.org/10.1016/j.lana.2023.100538>
33. Prati G., Cazcarro I., Hazra S. Gender Dimensions of the Migration, Sustainability and Care Nexus: The Case Study of the Mahanadi Delta, India. *Current Research in Environmental Sustainability*. 2022;4:100104. <https://doi.org/10.1016/j.crsust.2021.100104>
34. Gavonel M.F., Adger W.N., de Campos R.S., Boyd E., Carr E. R., Fábos A., et al. The Migration-Sustainability Paradox: Transformations in Mobile Worlds. *Current Opinion in Environmental Sustainability*. 2021;49:98–109. <https://doi.org/10.1016/j.cosust.2021.03.013>

Received 22.05.2023; revised 12.10.2023; accepted 18.10.2023.

*About the author:*

**Olga A. Chernova**, Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Professor of the Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University (88 Maxim Gorky St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5072-7070>, Researcher ID: H-9823-2015, Scopus ID: 56581560700, oachernova@sfsedu.ru

*The author has read and approved the final version of the manuscript.*